

Библиотека приключений

ДЕТЕКТИВЫ
ДЕТЕКТИВЫ
**ХЬЮ
ПЕНТИКОСТ**

ДЕТЕКТИВНЫЕ
РОМАНЫ

ДЕТЕКТИВЫ
ДЕТЕКТИВЫ

Хью Пентикост

Оборотни

Пентикост Х.

Оборотни / Х. Пентикост —

Пентикост Хью (псевдоним, настоящее имя Джадсон Филипс) – один из наиболее известных в США представителей «крутого детектива». Долгое время Филипс был президентом Общества американских авторов приключенческой литературы. Профессиональные сыщики редко бывают главными героями его произведений. Расследованием на редкость запутанных дел у него занимаются благородные и самоотверженные любители: журналисты, художники и даже служащие рекламного агентства.

Содержание

ЧАСТЬ I	5
Глава 1	5
Глава 2	10
Глава 3	18
Глава 4	24
Конец ознакомительного фрагмента.	26

ОБОРОТНИ ХЬЮ ПЕНТЕКОСТ

ЧАСТЬ I

Глава 1

Майкла Дигби Салливана друзья и болельщики звали не иначе как Диггер. Ему было двенадцать, когда его отец, летчик-испытатель тридцатых годов, погиб в бою над джунглями Бирмы. Пять лет спустя его мать, очаровательная Лаура Льюис, игравшая в тридцатых и начале сороковых годов в фильмах со "звездами" Голливуда, летела с группой артистов на концерты в частях действующей армии. Самолет потерпел катастрофу над Тихим океаном. В интервью корреспонденту одной из голливудских газет семнадцатилетний сын Лауры произнес пророческую фразу: "Я собираюсь умереть на суше".

От матери юноше осталось немалое наследство, так что в деньгах он не нуждался. От отца он получил смуглую кожу и греческий профиль. Многие прочили ему карьеру артиста, но эти прогнозы не оправдались. Он никогда не появлялся на киноэкране, кроме как в выпусках хроники, и не выходил на сцену.

Специального образования он не получил, но унаследовал любовь отца к мощным двигателям. Диггер придерживался обета, данного сразу же после трагической смерти матери. Он оставался на земле. Гоночные машины стали его хобби, и к двадцати пяти годам Майкл уже выигрывал многие соревнования во Франции, Италии, Мексике, Америке. Свои автомобили он конструировал и строил сам. Неоднократно попадал в аварии, но отделялся лишь царапинами. В тридцать лет Диггер считался одним из лучших гонщиков наравне со Стирлингом Моссом и другими великими. Его хорошо знали во многих курортных городках других стран, где автомобильные гонки котировались куда выше, чем в Америке. В поле зрения репортеров часто попадали пассии Диггера: известные красавицы, киноактрисы, манекенщицы. Но жениться он, похоже, не собирался.

В 1960 году парижская полиция арестовала Диггера Салливана по обвинению в убийстве полковника Жоржа Вальмона.

Главным свидетелем обвинения была Жульет Вальмон, дочь убитого. Раз десять в парижских газетах появлялись фотографии ее и Салливана, пошли разговоры, что Диггер попался таки на крючок. И тут она обвинила его в убийстве отца. На предварительном слушании выяснилось: у Салливана железное алиби. Однако Жульет Вальмон настаивала, что перед смертью ее отец назвал Диггера, и она сама видела, как тот убегал с места преступления. Салливана освободили, но пересуды о том, сколько пришлось выложить ему за это алиби, не прекращались.

В 1963 году, когда Салливану было тридцать пять лет, горничная "Бомонта", самого роскошного отеля Нью-Йорка, застала его в чужом номере, куда он проник, по всей видимости, с целью грабежа. Горничная вызвала сотрудника службы безопасности "Бомонта" (термин "местный детектив" в отеле не прижился), и Салливана, мрачного и молчаливого, препроводили в кабинет управляющего отелем на четвертом этаже.

Выше я пересказал вам все, что знал о Диггере Салливане к тому моменту, когда его ввели в кабинет Шамбрэна. Он поселился в "Бомонте" четыре дня назад, а моя работа как пресс-секретаря отеля состояла, помимо прочего, и в том, чтобы уведомлять местных газетчиков о прибытии знаменитостей. Естественно, я не коснулся его прошлых грехов, да и весьма

смутно помнил ход судебного процесса, состоявшегося тремя годами раньше. Репортеры также не сочли нужным заглянуть в старые подшивки своих же газет, поэтому в колонках светской хроники проскользнуло лишь упоминание о его прибытии в Нью-Йорк да перечень его достижений как гонщика.

Два человека, смотревшие друг на друга через стол, сработанный флорентийскими мастерами не одно столетие назад, являли собой полную противоположность. Слово "красота" обычно неприменимо к мужчинам, но Диггера Салливана нельзя было охарактеризовать иначе как красавец. Шесть футов три дюйма ростом, широкие плечи, узкие бедра, великолепный профиль. Темные очки скрывали чувства, которые он, должно быть, испытывал, схваченный за руку на месте преступления.

Его молчание, его неподвижность приковывали внимание, и я едва слышал, что говорил Шамбрэн, управляющий отелем и мой босс, – невысокого роста, коренастый, смуглолицый, с черными глазами, которые могли пронзать насквозь и светиться добродушным юмором. По происхождению он француз, что явствует из имени, но еще маленьким мальчиком пересек океан и считает себя американцем. По роду деятельности (организация работы отелей) он часто бывает в Европе, свободно говорит на нескольких языках, так что во многих странах его принимают за своего. А уж в "Бомонте" он – король. Об отеле знает все, вплоть до мельчайших нюансов.

Сотни сотрудников отеля любят и боятся его. Он поощряет инициативу, и все его подчиненные знают, что в конфликтных ситуациях он всегда готов взять на себя ответственность за спорное решение. Его уважают настоящие короли, крупные промышленники, видные политические деятели, кинозвезды и светские львицы, коридорные и уборщицы, проститутки, приходящие по вызову, старшие официанты и даже самые вспыльчивые из людей – шеф-повара. Он умеет отнестись почтительно к важным шишкам, знаменитостям, богачам, не выказывая подобострастия, и поговорить дружелюбно с теми, кто стоит на более низких ступенях социальной лестницы, обходясь без покровительственного тона. Кроме того, его черные, с набрякшими веками глаза намекают на то, что он знает о собеседнике гораздо больше, чем ему следовало бы знать.

Шамбрэн, как обычно, курил египетскую сигарету, сквозь синеватый дым разглядывая Салливана.

– Позвольте поблагодарить вас за то, что вы смогли прийти ко мне, мистер Салливан.

– У меня не было выбора, – хрипло ответил Салливан.

Шамбрэн указал на меня.

– Вы знакомы с мистером Хаскеллом, нашим пресс-секретарем?

– Вы собираетесь подбросить газетам лакомый кусочек?

– Наоборот, мистер Салливан. Едва ли мы упрочим репутацию "Бомонта", если широкой публике станет известно, что один из наших гостей оказался вором.

Щека Салливана дернулась.

А Шамбрэн как ни в чем не бывало продолжал:

– Работа мистера Хаскелла состоит в том, чтобы препятствовать распространению подобной информации. Я попросил его прийти, потому что хочу, чтобы наш разговор проходил при свидетеле.

Салливан не ответил, даже не посмотрел в мою сторону. И мне почему-то стало неловко, словно вором был я, а не он.

Шамбрэн взглянул на лежащую перед ним полоску бумаги.

– "Майкл Дигби Салливан, – прочитал он вслух. – Конструктор спортивных автомобилей, автогонщик. Расчетный счет на сумму с пятизначной цифрой в Уолтэм-Траст.

Неограниченный кредит. Владелец виллы на юге Франции, дома и небольшого автомобильного завода около Грит-Солт-Флэтс в штате Юта. Собственность не заложена, приносит ежегодный доход".

– Ваше гестапо потрудились на славу, – пробурчал Салливан.

Шамбрэн взял со стола квадратный бланк из плотной бумаги.

– Мы постоянно собираем информацию о наших гостях, мистер Салливан. Вы останавливались у нас дважды. В эти учетные карточки, помимо постоянного адреса, финансового положения, имен ближайших родственников, если они есть, мы вносим и специальные сведения. Отмечаем, не было ли конфликтов с администрацией или служащими отеля, а также личностные особенности каждого гостя. Буква "А" на нашей карточке указывает, что вы – алкоголик. "Ж" на карточке мужчины говорит о том, что он весьма равнодушен к женщинам, особенно к дорогим проституткам, которые изредка заглядывают в бар "Трапедия". "М" на женской карточке указывает, что дама ищет богатого мужа. "С" означает, что данный гость не может позволить себе цены "Бомонта" и надо следить за тем, чтобы его счет не оказался чрезмерно большим. В случае семейных пар "МЛ" мы ставим, когда муж выдает за жену любовницу, а "ЖЛ" – когда жена наставляет мужу рога. Ваша карточка, мистер Салливан, девственно чиста. Вы идеальный гость, от которого администрация не ждет никаких подвохов.

– Шамбрэн затушил окурок и тут же зажег новую сигарету. – Разумеется, медицинские сведения мы не собираем, – добавил он.

– Как хорошо сознавать, что и у нас могут быть секреты, – сухо заметил Салливан.

– Мне приходилось сталкиваться с очень богатыми людьми, страдающими психическими заболеваниями. Кстати, среди женщин, относящихся к этой категории, не так уж редко встречается kleptomania.

– И мне вы поставили такой же диагноз? – бесстрастно спросил Салливан.

– Нет. – Шамбрэн откинулся на спинку стула. – Сегодня днем вы попросили у горничной, обслуживающей ваш этаж, ключ-отмычку, обосновав просьбу тем, что забыли свой ключ в номере и, лишь захлопнув дверь, обнаружили это. Пятнадцать минут спустя горничная заметила таблицу "Не беспокоить" на дверях номера, который занимали месье и мадам Жирар. Так уж получилось, но она видела, что Жирары покинули номер полчаса назад. Она решила, что они просто забыли снять табличку, сняла ее сама и открыла дверь, чтобы занести в номер.

Естественно, она не могла не заметить, как вы роетесь в чемоданах Жираров и в бюро.

– Похоже, преступник полностью изобличен, – подытожил Салливан.

– От Жираров я узнал, что из их номера ничего не пропало.

Мистер Салливан, вам не хватило времени найти то, что вы искали?

Салливан словно и не слышал вопроса.

– Вы сказали Жирарам, кто побывал в их номере?

– Нет, – покачал головой Шамбрэн.

Я заметил, как мгновенно спало напряжение, сковывающее Салливана. Он полез в карман ладно скроенного пиджака за сигаретами.

– Что вы искали, мистер Салливан? – Голос Шамбрэна посуровел.

Салливан поднес к сигарете золотую зажигалку.

– Вы, конечно, знаете, что в Египте есть городок под названием Эль-Аламейн? – спросил он, вроде бы меняя тему разговора. – Там Восьмая армия Монтгомери, прорвав фронт Роммеля, переломила ход Североафриканской кампании. Но до начала сражения фронт замер на долгие месяцы. Союзники и немцы установили в пустыне чуть ли не два миллиона мин.

После окончания войны прошло уже восемнадцать лет, но по каким-то причинам карта минных полей не обнародована ни одной из сторон. И восемнадцать лет, с постоянством, свойственным восходу и заходу солнца, местные жители подрываются на этих затаившихся чудовищах. Вы спросите: почему не предпринимается никаких мер? Они предпринимаются.

ООН и различные благотворительные организации поставляют протезы рук и ног тем несчастным, кто остается в живых, но без одной или двух конечностей. А чиновники тем временем обсуждают технические детали, связанные с публикацией карт минных полей. Вот вам веселенькая история, которая пока не стала достоянием общественности.

Салливан замолчал, и в кабинете повисла тяжелая тишина.

– От ваших слов стынет кровь, мистер Салливан, но я не понимаю, какое отношение имеют они к случившемуся в нашем отеле, – заметил наконец Шамбрэн.

– Вы же спросили, что я искал.

– И пока не получил ответа.

Вновь дернулась бледная щека Салливана.

– Я искал полевые мины. Старые полевые мины.

Черные глаза Шамбрэна не отрывались от лица Салливана.

– Как я понимаю, в переносном смысле.

– Разумеется, мина, которую я ищу, не взорвет ваш отель.

Во всяком случае, его стены уцелеют. Теперь, как водится, вы вызовете полицию?

Ответ Шамбрэна меня удивил:

– Я хотел бы подумать над этим. Мадам Жирар, насколько мне известно, в девичестве звали Жульет Вальмон.

Жульет Вальмон, которая три года назад публично обвинила Салливана в убийстве!

Впервые Салливан отвел глаза, повернувшись к окнам, выходящим на Центральный парк.

– Совершенно верно.

Шамбрэн встал, показывая, что разговор подошел к концу.

– Мистер Салливан, вы, безусловно, знаете, что завтра сюда приезжает господин Поль Бернардель, специальный представитель президента Франции в Международной торговой комиссии. Я подозреваю, что именно этим вызвано ваше появление в отеле. Мне известно, что в недалеком прошлом вы встречались и с месье Бернарделем, и с мадам Жирар, тогда Жульет Вальмон. Сейчас не важно, кому я симпатизирую.

Каждый гость в этом отеле вправе рассчитывать на одинаковые услуги и одинаковую безопасность. Номер отеля – неприкосновенная территория для всех посторонних. Попрошу запомнить это, мистер Салливан. Как вы будете решать свои проблемы, меня не касается. Но Жирары, пока они являются гостями "Бомонта", находятся под моей защитой. И если для их защиты мне потребуется вызвать полицию, я ее вызову.

– Премного вам благодарен. – Салливан вышел из кабинета, беззвучно прикрыв за собой дверь.

Шамбрэн вновь сел и начал складывать лежащие перед ним бумаги.

Я стоял и молчал, Шамбрэн словно и не замечал меня.

– Я еще нужен вам, мистер Шамбрэн? – не выдержал я.

Он поднял голову, и глаза его весело блеснули.

– Вы молодец, Марк.

– Простите, сэр? – Я не понял, что он хотел этим сказать.

– Только один человек из тысячи мог устоять перед искушением обрушить на меня лавину вопросов. И только один человек из тысячи способен выполнять работу, на которую вы наняты. Я очень надеюсь на вас, Марк.

– Благодарю вас, сэр.

Он открыто рассмеялся.

– И снова никаких вопросов?

– Вы скажете мне все, что я должен знать. Могу я послать пресс-релиз, подготовленный к завтрашнему прибытию Поля Бернарделя?

– Ну, разумеется, – кивнул Шамбрэн.

Я направился к двери.

– Марк!

– Да, сэр?

– В картотеке под буквой "Ж" вы найдете досье на месье и мадам Жирар. Вырезки из французских и американских газет начиная с весны шестидесятого года. Прочитайте их на досуге. Там вы найдете ответы на некоторые вопросы, которые вы, несомненно, хотите задать. После того как вы ознакомитесь с историей Жюльет Вальмон, Поля Бернарделя и Майкла Дигби Салливана, возвращайтесь назад, и мы обсудим наши дальнейшие действия.

– Могу я сразу задать один вопрос, сэр?

Шамбрэн вскинул брови.

– Насколько фигуральным был разговор о полевых минах здесь, в отеле?

– Мне понятна ваша озабоченность, – кивнул Шамбрэн. – Скажем так, одновременное присутствие в отеле месье и мадам Жирар, Салливана и Поля Бернарделя чревато крупными неприятностями. Нам есть что защищать, помимо кирпичных стен, которым, как уверял Салливан, ничего не грозит.

"Бомонт" не просто здание, Марк. Это образ жизни.

Глава 2

Утверждение, что "Бомонт" – образ жизни", вдалбливалось в меня ежедневно, с тех пор как я поступил сюда на работу.

Чаще всего я слышал об этом от Алисон Барнуэлл, очаровательной женщины, тогдашнего пресс-секретаря отеля.

Но месяц назад Алисой вышла замуж и распрощалась с нами. Я полагал, что Шамбрэн возьмет на ее место опытного специалиста, хорошо знакомого с подобного рода деятельностью, но он предложил эту должность мне.

– Возможно, у вас нет опыта, Марк, но за год вы уже многому научились и поняли, что свойственно нашему отелю, а что – нет. Новому человеку потребуется не меньше времени, чтобы освоиться. Если вы не против, я хотел бы работать с вами.

Естественно, я тут же согласился, но день, когда Диггер Салливан отправился на поиски мин в номер Жираров, ясно показал, что я еще не стал "зубром" в своем деле.

"Ж" – Жирары.

Досье я унес в свой кабинет, расположенный на одном этаже с кабинетом Шамбрэна. Шарль Жирар пользовался неограниченным кредитом. Жил он на улице Клебер в Париже.

За прошедшие пять лет останавливался в отеле дважды, каждый раз один. В настоящее время впервые приехал с мадам Жирар.

Никаких особых знаков я не обнаружил, не считая ссылки на прилагаемые вырезки из газет. Вырезки лежали в конверте из плотной бумаги.

Мои знания французского ограничивались школьным курсом, поэтому я смог прочитать только те статьи, что публиковались в лондонских и нью-йоркских газетах. Первые из них относились к маю 1960 года, когда в Париже убили полковника Жоржа Вальмона.

Полковник Вальмон, черноволосый, симпатичный мужчина, если судить по двум имеющимся в досье газетным снимкам, активно поддерживал генерала де Голля. Он являлся советником президента Франции по алжирской проблеме.

Генерал стремился к независимости Алжира, но встретил яростное сопротивление со стороны живших в Алжире французов, и особенно офицеров расквартированных там частей французской армии. Террористическая организация, созданная этими офицерами, в 1960 году подняла в Алжире кровавые мятежи, а затем протянула щупальца и во Францию, поставив целью уничтожение верных сторонников политики де Голля. В повседневную жизнь страны прочно вошли уличные стычки, взрывы бомб, политические убийства.

Судя по всему, полковник Вальмон занимал одну из первых строк в списке на уничтожение. Попытка покушения на его жизнь, предпринятая секретной армейской организацией (ОАС), закончилась неудачно. Вальмон временно ушел в подполье. Но десятью днями позже его изрешетили пулями в дешевой квартире на Левом Берегу. Враги нашли и убили его. Для того времени – обычное дело, но далее оно приняло неожиданный оборот.

Вальмон, вдовец, жил вместе с дочерью, Жульет. Она тоже переехала в квартиру на Левом Берегу. В ходе расследования убийства показания мадемуазель Вальмон произвели эффект взорвавшейся бомбы. В те дни белокурая красавица Жульет (волосы достались ей от матери-американки) часто появлялась на публике с Диггером Салливаном, известным автогонщиком. Правда, лондонские газеты чаще называли его американским авантюристом. Казалось, что Салливан и Жульет вот-вот объявят день помолвки.

Когда Вальмон ушел в подполье после первого покушения, только Салливан, как показала Жульет, знал, где находится полковник (не считая, разумеется, ее самой). Жульет Вальмон настаивала, что никто более не имел ни малейшего понятия о его местонахождении.

Утром того дня, когда убили Вальмона, Жульет пошла в магазин, чтобы купить еду. Менее квартала отделяло ее от обшарпанного дома, в котором они поселились, когда она услышала автоматную очередь. Жульет сразу поняла, что она означает, побросала пакеты с едой и бросилась к дому.

Увидела, как из подъезда выбежал-мужчина, прыгнул в спортивный автомобиль с мощным двигателем и умчался. Она настаивала, что этот мужчина – Салливан, хотя и видела его только сзади. Не так уж много мужчин, даже издалека, можно принять за Салливана. Не запомнила Жульет и номерного знака, но клялась, что у подъезда стоял точно такой же автомобиль, что и у Диггера.

Жульет взбежала по ступенькам и нашла отца, рассеянного автоматной очередью, на полу. Припала к нему, понимая, что надежды на спасение нет. Умиравший смог произнести только одно слово: "Майкл". Ее отец, настаивала Жульет Вальмон, назвал имя убийцы.

Днем позже парижская полиция арестовала Диггера. Его искали уже более двадцати часов, когда он сам пришел в префектуру. С каменным лицом выслушал предъявленное обвинение и отказался сказать что-либо в свое оправдание.

На суде, к всеобщему удивлению, не задал Жульет ни одного вопроса, не попытался поставить под сомнение ее версию.

Казалось, знаменитый американец обречен.

Но потом пришла очередь свидетелей защиты, и адвокат вызвал Поля Бернарделя, известного французского промышленника. На заводах Бернарделя изготавливались популярные во Франции недорогие малолитражки. Бернардель увлекался автогонками, и его машины участвовали во многих соревнованиях. Там-то и завязалось знакомство Бернарделя и Салливана, со временем переросшее в дружбу. Показания Бернарделя не оставили камня на камне от обвинительного заключения. Бернардель твердо заявил, что в день убийства Салливан находился в его загородном поместье. В тот миг, когда в квартире Вальмона прогремела автоматная очередь, он испытывал новую гоночную машину Бернарделя. Поместье находилось в двухстах километрах от Парижа. Они весь день возились с машиной и не имели возможности послушать выпуски новостей. Об убийстве полковника Вальмона узнали только на следующее утро. Диггер возвратился в Париж, как только услышал, что полиция разыскивает его, и добровольно сдался властям. Никто не позволил себе усомниться в честности Бернарделя. Обвинению пришлось признать, что Салливан не мог убить полковника Вальмона.

Прокурор попытался добраться до него другим путем.

Только Диггер и Жульет знали, где скрывается полковник, и Диггера попытались обвинить в том, что он выдал Вальмона его врагам. Но прокурор не смог сформулировать даже мотив преступления. Салливан не интересовался политическими процессами во Франции, тем паче не принимал в них ни малейшего участия. Он полюбил, по крайней мере, увлекся Жульет, подружился с полковником. Он был богат, так что не мог польститься на деньги.

Несмотря на все, Жульет твердила, что видела, как Салливан выбежал из подъезда и умчался в машине, на которой она сама часто ездила. А его алиби-фальшивка. Последнее утверждение явно противоречило здравому смыслу. Дело в том, что Поль Бернардель был убежденным голлистом, то есть находился по одну сторону баррикады с полковником Вальмоном.

Кроме того, они дружили еще с юности. Так что Бернардель никогда бы не стал прикрывать убийцу Вальмона.

Диггера Салливана полностью оправдали.

И лишь Жульет Вальмон отказалась поверить в его невиновность. Теперь ей совершенно ясно, заявила она репортерам, что Салливан ухаживал за ней с одной целью – втереться в доверие к полковнику, чтобы при удобном случае подставить его под пули террористов. Она

назвала показания Бернарделя ложью и поклялась, что не пожалеет жизни ради того, чтобы доказать свою правоту.

Согласно газетным материалам, прокурор положил немало усилий, чтобы поставить под сомнение показания Бернарделя.

После вынесения оправдательного приговора он дал понять, что не откажется от поисков истины и приложит все силы, чтобы Диггер понес заслуженное наказание.

Прокурора звали Шарль Жирар.

Последняя вырезка перенесла меня в настоящее. Шесть месяцев назад Жульет Вальмон вышла замуж за Шарля Жирара.

И вот четыре главных героя этой загадочной истории объявились в тихом, умиротворенном королевстве Пьера Шамбрэна – в отеле "Бомонт".

"Чревато крупными неприятностями" – так охарактеризовал ситуацию Шамбрэн.

Что ж, подумал я, приятно отвлечься от приевшихся показов мод, деловых банкетов, костюмированных балов.

На столе загудел сигнал аппарата внутренней связи. Мой секретарь Шелда Мэйсон, ранее секретарь Алисон Барнуэлл, решила пообщаться со мной. Она все еще не могла определиться в отношении меня, и это несколько нервировало, потому что Шелда была чертовски красива. Я чувствовал, что ее место – на страницах журналов мод, а не в крохотной клетушке на четвертом этаже. Я бы с большим удовольствием приглашал ее в ресторан или на концерт, а не просил принести ту или иную бумагу, но опасался, что где-то затаился поклонник, которому могла не понравиться моя фривольность.

У поклонников таких девушек, как Шелда Мэйсон, чувство собственника обычно гипертрофированно.

Похоже, Шелду умиляло происходящее в отеле "Бомонт".

– Мистер Мюррей Кардью шлет наилучшие пожелания, – сухо сообщила она, – и ожидает увидеть тебя через двадцать минут в баре "Спартанец". Он обещает угостить хересом, если, конечно, ты принесешь все материалы, касающиеся встречи господина Поля Бернарделя в субботу вечером.

– Скажи мистеру Кардью, что я приду.

– Мистер Кардью не ждет ответа, – вразумила меня Шелда.

– Его хватил бы удар, если б ты ответил "нет". Материалы по встрече Бернарделя я приготовила.

Шелда сидела за столом в изящном зеленом костюме, подчеркивающим достоинства ее фигуры.

– Я тебя ненавижу. – Улыбаясь, она протянула мне тонкую папку.

– В чем я провинился?

– Ты прошел мимо меня в кабинет, словно и не заметив, что я здесь. Я не привыкла, чтоб меня не замечали, мистер Хаскелл. Ты же знаешь, что я сгораю от любопытства.

– По какому поводу?

– Идиот! – Ну где еще секретарь награждает босса таким эпитетом? – Что Великий Отец Белых сделал с Майклом Дигби Салливаном? Заточил в Бастилию?

– Он думает над этим.

– Тогда у меня еще есть время.

– Для чего?

– Мой дорогой Марк, ты, конечно, слишком глуп, чтобы понять, что Диггер Салливан – мечта любой девушки. Я надеюсь, что мне удастся убедить тебя познакомиться с ним. Иначе придется подстеречь его в баре "Трапедия". Как ты думаешь, я красивее, чем она?

– Она?

– Жульет Жирар. – Шелда обворожительно улыбнулась. – Я могла бы рассказать тебе всю историю, Марк, и тебе не пришлось бы рыться в газетных вырезках. Кто-то из нас должен приглядывать за вновь прибывшими.

Кстати сказать, ее обязанности и состояли в том, чтобы ежедневно просматривать регистрационную книгу и сообщать мне, не требует ли кто из новых гостей нашего особого внимания. Она ничего не сказала мне о Жирарах, хотя те жили в отеле уже несколько дней.

– Я не видел мадам Жирар, но поставил бы на тебя.

– Благодарю вас, сэр.

– Что Жирары делают в Нью-Йорке?

– ООН, – ответила Шелда. – Шарль Жирар-специальный прокурор, представляющий интересы французского правительства. США отказываются выдать Франции бежавших оттуда членов ОАС, обвиняемых в подготовке покушения на генерала де Голля. Перед Жираром поставлена задача найти брешь в международном праве, не допускающем выдачи лица, нарушившего закон по политическим мотивам.

– Почему ты работаешь в отеле, а не в государственном департаменте? – полюбопытствовал я.

– Потому что ты симпатичнее госсекретаря, это во-первых, – с улыбкой ответила она, – а во-вторых, я надеюсь, что в следующую выборную кампанию Пьер Шамбрэн будет баллотироваться в президенты нашей страны. Между прочим, Мюррей Кардю обгрыз уже не один ноготь, дожидаясь тебя.

Я неохотно направился вниз, в бар "Спартанец"; где ждал меня Мюррей Кардю. Отделанный дубовыми панелями бар предназначался только для мужчин. Посещали его главным образом пожилые люди. Он напоминал клуб – с сигарным киоском, где продавались также особые сорта трубочного табака, газетной стойкой и угловыми столиками, где седовласые джентльмены часами играли в триктрак.

Мистер Мюррей Кардю ежедневно приходил туда перед ленчем и уходил под вечер, чтобы переодеться к обеду. Когда я поступил на работу в "Бомонт", Шамбрэн побеседовал со мной о Мюррее Кардю.

– Вы думаете, у нас полные досье на наших гостей? – начал он. – На фоне Мюррея Кардю мы просто дилетанты. Он сможет сказать вам, откуда взялись деньги у каждого из них, нарисовать родословное древо любого, он в курсе всех сплетен, не говоря уже о достоверной информации. Кардю стал бы величайшим шантажистом, если б захотел обратить в деньги известные ему сведения. Но он джентльмен старой школы.

– И он слишком богат, чтобы нуждаться в деньгах, – смело добавил я, предположив, что беднякам в "Бомонте" делать нечего.

Шамбрэн улыбнулся и выудил из картотеки досье Мюррея Кардю. Мистер Кардю, занимавший одноместный номер на семнадцатом этаже, не платил по счетам уже семь или восемь лет. Питался он в отеле, иногда приглашал гостей к обеду.

Их имена также имелись в досье.

– Разумеется, ему нужно немного денег на одежду, чаевые, посещения оперы или музеев. Он получает их от меня, как безвозвратную ссуду.

– Почему? Он ваш давний друг?

– Очень давний, – кивнул Шамбрэн. – Но стал бы я убирать скульптуру Эпштейна из колонного зала, если б мне сказали, что освободившееся место можно использовать с большой выгодой для отеля? Мюррей Кардю неотделим от отеля, его традиций. И день, когда он не появится в баре "Спартанец" (а такой день, конечно, придет – ему уже около восьмидесяти), ознаменует конец эры.

Трудно объяснить, какое впечатление производил на меня Мюррей Кардю. Мне только тридцать. Мюррей Кардю на семнадцать лет старше нашего века. Я однажды слышал его рас-

сказ, как маленьким мальчиком он проводил лето в Саратоге. О Ричарде Кэнфильде, знаменитом владельце казино, о Викторе Герберте и его оркестре, выступавшем в роскошных отелях, об Уитни и Вандербильтах, только начавших создавать промышленные империи, о Берри Уолле, светском льве, который как-то выиграл пари, за один день появившись на людях в сорока костюмах... Мюррей Кардью одевался в стиле той эпохи. В "Спартанце" он появлялся неизменно в черном пиджаке, полосатых брюках, галстук из серого шелка с широкими, как у шарфа, концами, украшенном заколкой с черной жемчужиной. Добавьте к этому перламутрово-серую жилетку с белыми перламутровыми пуговицами и гетры, серые – зимой, белые, из хлопка, – летом. Если он надевал пальто – подозреваю, его единственное – с красивым меховым воротником, то обязательно с котелком и тростью из черного дерева с серебряным набалдашником. Молодежь видела в нем комика, участника костюмированного бала. Мне он казался воплощением достоинства. Стройная фигура, легкая походка, седые, тщательно уложенные волосы, аккуратно подстриженные усы... Всем своим видом Мюррей Кардью показывал, что появление в обществе – дело серьезное, не терпящее пренебрежения даже в мелочах. Картину дополняла белая гвоздика в петлице пиджака, за которой он заходил в цветочный магазин в вестибюле отеля ровно без четверти час, разумеется, каждый день. Никогда не менялось и меню его ленча: сэндвич – ветчина на поджаренном ржаном хлебце – и полбутылки шампанского.

По заведенному порядку Мюррей Кардью съедал сэндвич, запивая его шампанским, в полном одиночестве. Прием начинался лишь после того, как мистер Новотны, старший официант "Спартанца", заменял пустую тарелку и бокал на маленькую чашечку черного кофе, а Мюррей Кардью вставлял сигарету в серебряный мундштук. Словно по сигналу, завсегдатаи один за другим подтягивались к его столику.

Каждый минут десять болтал с ним, а затем уступал место следующему. Около трех часов дня мистер Новотны приносил коробку гаванских сигар. Оценив их по лишь ему одному ведомым критериям, Мюррей Кардью выбирал сигару, доставал из кармана жилетки золотые ножницы и обрезал кончик. Мистер Новотны чиркал спичкой. Зажигалок Мюррей Кардью не признавал. Запах газа, которым заправлялись зажигалки, уничтожал тонкий аромат занимающегося табачного листа, высушенного на далекой Кубе.

В пять часов мистер Новотны возникал у стола с бокалом и бутылкой импортного хереса. Мюррей Кардью пристально смотрел на этикетку и одобрительно кивал. Уже более пятидесяти лет он пил херес одной и той же марки, но без его кивка бутылка на стол не ставилась.

В начале седьмого Мюррей Кардью покидал "Спартанец" и удалялся в свой номер. Вновь он появлялся через два часа.

Никто не знал, как он их проводит, но предполагалось, что он спит перед обедом. Обедал он обычно в "Гриле", где обслуживал его сам Кардоза. Один или с гостями, Мюррей Кардью всегда надевал к обеду смокинг и белый галстук. Что там говорить, этот странный старик, сохраняющий традиции другой эпохи, являлся неотъемлемой частью "Бомонта"!

Мюррей Кардью сидел за своим привычным столиком. Он заметил меня, едва я вошел в "Спартанец", но не подал и виду, дожидаясь, пока я не подойду к столу.

– А, мистер Хаскелл. – Голос у него был тихий, мелодичный. Я взглянул на полупустой бокал хереса.

– Надеюсь, я не задержал вас.

– Отнюдь, юноша, отнюдь. Присаживайтесь. – Он поднял руку, подзывая Новотны. Тот мгновенно подошел и остановился у стола, ожидая дальнейших распоряжений. – Рекомендую вам попробовать этот херес.

– С удовольствием, – ответил я.

Мистер Новотны не шевельнулся-Мюррей Кардью еще не разрешил обслужить меня.

– Современные правила приличия не требуют от вас непременно принять мое предложение, мистер Хаскелл, – продолжил старик. – Я в курсе того, что молодежь вашего поколения отдает предпочтение мартини. Меня, слава богу, обошло это поветрие. Я никогда не жил ради мгновения, мистер Хаскелл. Я наслаждаюсь аперитивом в это время дня, но не забываю о том безмерном удовольствии, которое получу от прекрасного обеда и марочного вина. На своем примере я убедился, что мартини оказывает пагубное воздействие на небо.

– С удовольствием выпью хереса, мистер Кардью, – ответил я, хотя терпеть не мог хереса.

Мюррей Кардью кивнул Новотны, тот отошел от стола и тут же вернулся с бокалом и бутылкой.

– Любимая марка мистера Кардью, – бесстрастно пояснил он.

– Отлично. – Я не стал спорить.

Мюррей Кардью молчал, пока я не пригубил херес. От меня требовался комплимент.

– Если бы все марки хереса обладали таким букетом, я бы тут же отказался от мартини.

Он довольно кивнул.

– Насколько мне известно, этого хереса в подвалах отеля предостаточно. Мистер Шамбрэн предупредил вас, что мне понадобится ваше содействие?

– Я полностью в вашем распоряжении, сэр.

– Посол Франции, месье Делакру, обратился ко мне по весьма деликатному делу, – продолжал Мюррей Кардью. – Несколько дней назад мы провели вместе немало часов на Ривьере. Отличный шахматист этот Делакру. Какие мы разыгрывали сражения! И, должен признать, частенько мне удавалось взять верх. Но все это не имеет отношения к нашему разговору, разве что объясняет, почему посол обратился ко мне.

– Мистер Шамбрэн всегда говорил, что по правилам этикета лучшего эксперта, чем вы, не найти.

– Милый человек этот Шамбрэн. – В голосе Мюррея Кардью слышалась нотка снисходительности. В конце концов Шамбрэн не принадлежал к светскому обществу. Кардью поднял бокал, но лишь коснулся его губами. Я понял, что он будет растягивать остатки хереса, пока я не осушу свой бокал.

– Как вам известно, в субботу вечером должны состояться прием, бал и ужин в честь месье Поля Бернарделя, главы французской торговой комиссии, который приехал на переговоры с американскими бизнесменами.

– Я знаю, сэр.

– Суть вопроса – как рассадить гостей за ужином, – продолжал старик. – Месье Бернардель выставил только одно требование, но выполнить его не так-то просто. В Америке у него есть давний и близкий друг, который, кстати, в данный момент живет в этом отеле.

– Диггер Салливан?

По лицу Мюррея Кардью пробежала тень. Прозвища его оскорбляли.

– Майкл Дигби Салливан, – поправил он меня. – Фигура известная среди автогонщиков и создателей автомобилей.

Месье Бернардель руководит большой автомобильной фирмой, он представитель знатного французского рода. Салливану же, несмотря на все его обаяние, в этом смысле похвастаться нечем. Его отец был ирландским авантюристом, выходцем из простой семьи, хотя и отличился на войне. Мать снималась в кино. Талантливая киноактриса, так по крайней мере мне говорили, но ее отец торговал кухонной утварью то ли в Айдахо, то ли в Айове.

– К сожалению, не знаю, где именно, – ввернул я.

– Это не важно. У Салливана нет связей ни среди политиков, ни в светском обществе. При обычном раскладе он никогда не оказался бы за главным столом. Но таково требование

месье Бернарделя. Он хочет, чтоб Салливан сидел по его правую руку. Вот тут и начинаются наши затруднения.

– Какие же, сэр?

Мюррей Кардью посмотрел на меня, как на слабоумного.

– За стол сядут восемь человек, мистер Хаскелл. Месье Бернардель и Салливан – это двое, месье и мадам Делакуру, уже четверо, принцесса Барагрэйв, в девичестве Мабель Гровеснор, и ее сестра, мисс Айлин Гровеснор, дамы для месье Бернарделя и Салливана, то есть шестеро. Остаются два места. По дипломатическому протоколу их должны занять месье и мадам Жирар, потому что во французском правительстве месье Жирар занимает должность, соответствующую нашему генеральному прокурору.

– Черт побери! – воскликнул я. Глаза старика блеснули.

– Грубовато, мистер Хаскелл, но я согласен – черт побери!

– Тогда вы должны посадить Жираров куда-то еще.

– Именно здесь на сцену выходите вы, мистер Хаскелл.

– Я?

– Мое участие в этом деле, Хаскелл, обусловлено моей давней дружбой с месье Делакуру. Секретарь французского посольства попросил, чтобы я помог рассадить гостей. Среди них преобладают американцы, и я без лишней скромности заверил секретаря, что для меня это не составит труда. Но главный стол – прерогатива секретаря, Жана Лакоста. Он ярый приверженец дипломатического протокола. Он, конечно, осведомлен...

– О том, что Салливана обвиняли в убийстве отца мадам Жирар? Что Бернардель спас Салливана? Что Жирар был прокурором на этом процессе и что он и его жена публично назвали алиби Салливана фальшивкой и заявили, что еще докажут свою правоту?

– Вижу, вы подготовились основательно. – Мюррей Кардью сухо улыбнулся. – Интересное получается сочетание, не так ли?

– Да разве они могут сидеть за одним столом? – воскликнул я. – Месье Бернардель не может этого не понимать. Раз присутствие Жираров неизбежно, он должен был принять меры, чтобы встретиться с Салливаном позже и в другом месте.

– Надо отметить, что месье Бернардель выразил свое желание относительно Салливана до того, как узнал о присутствии на приеме Жираров. Однако, когда ему сказали об этом, он отказался что-либо менять, полагая, что любое другое решение расценили бы однозначно: Салливан лишился его доверия и поддержки.

– А Жирары? Уж они-то наверняка предпочтут не оказаться за одним столом с Салливаном.

– Господин Жирар, как и наш юный друг из посольства, твердый сторонник общепринятых правил поведения в обществе.

Он не хотел бы сидеть за этим столом, но просьба о смене места будет истолкована не иначе, как слабость с его стороны. Абсурдная точка зрения, но приходится ее учитывать.

– Значит, особого веселья не получится?

– Совершенно верно. Не вечер, а мучение для всех, кто будет сидеть за главным столом.

– Ну, если никто не хочет уступить...

– Тогда, – прервал меня Мюррей Кардью, – мы не станем принимать во внимание их требования.

– Но как?

– Поправьте меня, мистер Хаскелл, если я в чем-то ошибусь.

Программа вечера остается без изменений. Для начала на столах расставят карточки с фамилиями гостей.

– Да, сэр.

– После торжественной встречи месье Бернарделя, за несколько минут до того как гости войдут в колонный зал и рассядутся за столы, им раздадут листы, на которых указано, кто где сидит. Они найдут свой стол и, войдя в колонный зал, сразу направятся к нему. Я прав?

– Да, сэр.

– О карточках с фамилиями гостей и этих листах должен заботиться отель, не так ли?

– Да, сэр. Это входит в мои обязанности.

Мюррей Кардью кивнул, улыбнулся.

– Заполняя посадочные листы, мистер Хаскелл, вы определите Жираров за стол номер шесть вместо первого стола.

А на их место, за стол номер один, мы посадим английского автогонщика Джеффри Сэйвилла и его жену.

– Но этот Лакост, секретарь посольства, обнаружит подмену, как только увидит листы.

– Вот это ляжет на вас, Хаскелл. Он не должен увидеть посадочных листов. Вам придется не справиться с вашими обязанностями.

– Простите, сэр?

– Попросту говоря, вы дадите маху. Эти посадочные листы появятся в самый последний момент. Когда Лакост захочет их увидеть, вы сошлетесь на задержку. Ему не останется ничего другого, как проверить столы. Он убедится, что все карточки с фамилиями гостей расставлены в полном соответствии с его указаниями. Но как только он покинет колонный зал, вы, Хаскелл, или кто-то еще, кому вы это поручите, переставите карточки, чтобы они уже не входили в противоречие с посадочными листами, которые появятся словно по мановению волшебной палочки. Карточки Сэйвилла и его жены перекочают на первый стол, Жираров – на шестой. Когда все рассядутся и месье Лакост поймет, что произошло, он не поднимет скандала.

Это было бы невежливо по отношению к виновнику торжества.

Но, несомненно, потребует вашего немедленного увольнения.

– Хорошенькое дело! – воскликнул я.

Улыбка Мюррея Кардью стала шире.

– Я думаю, вы можете не беспокоиться за свое место, Хаскелл, так как идея исходит от Пьера Шамбрэна, вашего непосредственного начальника.

Ох уж этот мистер Мюррей Кардью! Что же касается господина, который подписывал мой еженедельный чек, то хитростью он мог потягаться с самим Макиавелли.

Глава 3

Официально мой рабочий день закончился. До того как посту пить на работу в отель, я не сидел в конторе ни одной лишней минуты. Под влиянием Шамбрэна мой образ жизни изменился хотя он не настаивал на этом. Я сдал квартиру и переехал в отель. Теперь, после одного или двух коктейлей в конце рабочего дня, я поднимался к себе в номер, переодевался к обеду и проводил вечер, кружа по отелю.

Многочисленные бары, ночной клуб "Синяя комната", банкетные залы, – я напоминал шерифа небольшого городка на Диком Западе, проверяющего, все ли спокойно на вверенной ему территории.

Это и был мой город, со своими мэром, полицией, общественными службами, частными, выкупленными владельцами квартирами, номерами для приезжающих на короткий срок, ночными клубами, кафе, ресторанами, магазинами, телефонной станцией и сложными человеческими отношениями.

Мой город. Так я думал об отеле, ощущая себя его частичкой и болея душой за его репутацию. Полагаю, те же чувства испытывал и Шамбрэн, благодаря чему все службы отеля работали в едином ритме, словно хорошо отлаженный часовой механизм. Остальные любили "Бомонт" не меньше моего.

Джерри Додд, ведающий вопросами безопасности, Эттербюри, старший дневной портье. Карл Нэверс, старший ночной портье, – каждый из них мог с одного взгляда отличить богатого человека от шарлатана; Бармены, официанты, такие, как Новотны, или Кардоза, или Дел Греко, в чьем ведении находился бар "Трапедия", Амато, организатор банкетов, Джонни Тэкер, дневной бригадир оравы посыльных, Джонни Мегтио, командующий ими по ночам. В любое время дня и ночи Пьер Шамбрэн мог нажать кнопку в своем кабинете и получить ответ на интересующий вопрос, прежде чем слова успевали слететь с его губ. Разумеется, он точно знал, кого надо спрашивать.

Бар "Трапедия" отеля "Бомонт" подвешен в воздухе, над фойе Большого бального зала, словно птичья клетка. Этот бар со стенами из декоративной металлической решетки очень популярен, потому что не похож ни на какой другой. Он украшен фигурками цирковых гимнастов на трапециях. В воздушном потоке, вызванном скрытой от глаз системой кондиционирования, фигурки слегка колышутся, создавая впечатление, что качается весь бар.

Старшего бармена "Трапедии", симпатичного толстячка, звали Эдди. Он увидел, что я вхожу в решетчатые двери, и ледяной мартини появился на стойке до того, как я успел пересечь бар.

– Убивает вкус хереса, – пояснил он.

– Откуда вы знаете?

– Внутренний радар. Старик отправился отдохнуть?

– Похоже. Вы давно знаете мистера Кардю, Эдди?

– Он появился вместе с этим баром, задолго до меня. Вы знаете наши правила, мистер Хаскелл. Никогда не обсуждать постояльца.

– С другим постояльцем, – уточнил я.

– Да, разумеется, – кивнул Эдди. – Многие из нас знают его историю. Двенадцать или тринадцать лет назад он решил, что проживет еще максимум лет пять. Крах биржи в двадцать девятом году серьезно подорвал его финансы. Денег осталось немного, ровно на пять лет жизни в привычных условиях.

Через пять лет деньги кончились, а здоровье осталось.

Жить в другом месте он уже не мог. Поэтому заказал роскошный обед в "Гриле", пожелал Кардозе спокойной ночи и поднялся в свой номер. Там его поджидал Шамбрэн. Он сидел в

кресле, курил египетскую сигарету и подбрасывал в руке флакончик с таблетками снотворного. Их хватало на три смертельные дозы. Вы же знаете методы Шамбрэна. Он же читает мысли, сукин сын, – в голосе Эдди слышалось нескрываемое уважение. – Когда Кардью купил эти таблетки в нашей аптеке, – а ему пришлось покупать их у нас, чтобы не платить наличными, которых у него уже не было, – кто-то шепнул об этом Шамбрэну на ухо.

Мало того, что он отговорил старика от самоубийства.

Шамбрэну удалось убедить его, что он необходим отелю, что отель готов оплачивать его содержание да еще подкидывать денюжку на мелкие расходы. Старик ему поверил, и Шамбрэн приобрел еще одну пару глаз и ушей. Кое-кому это могло не понравиться.

– Но возражать никто не стал?

– Нет. Старик уж больно хорош. Никаких мелких придинок.

Никогда не сует нос в чужие дела. Три, а может, четыре раза за последние восемь лет благодаря ему нам удалось предотвратить крупные неприятности. С точки зрения Шамбрэна, он отработал потраченные на него деньги. – Выражение лица Эдди изменилось. Он уже смотрел мне за спину. – За вами пришли.

И тут же чья-то рука легла на мое плечо. Я обернулся и увидел Диггера Салливана. В смокинге, который сидел на нем как влитой, и без темных очков. Впервые я взглянул в широко посаженные серые искренние глаза.

– Позвольте угостить вас? – спросил он.

– Не откажусь.

– Мартини? – Он посмотрел на мой бокал на стойке.

– Отлично.

– Пожалуйста, пусть принесут за столик.

Столик он выбрал неподалеку от входа. Официант принес мартини. Другой поставил на стол блюдо с ломтиками поджаренного хлеба с икрой. Как только мы остались вдвоем, Салливан сразу взял быка за рога.

– Что вам известно обо мне?

– Я прочитал стопку газетных вырезок о ваших неприятностях.

– Тогда вы не могли не задаться вопросом, почему Шамбрэн не вызвал полицию или, по меньшей мере, не настоял, чтобы я немедленно выписался из этой сверкающей птичьей клетки.

– Вы правы.

– Может, вы спросили его?

– Нет.

– Вы принимаете его суждение?

– Он – босс.

– Черт побери. Значит, вы не знаете, почему?

– Нет.

– Да будет вам, Хаскелл, рассказывайте! – Белозубая улыбка не могла скрыть озабоченности в его глазах.

– Мне нечего сказать вам. Здесь, в "Бомонте", решения мистера Шамбрэна не обсуждаются, а выполняются.

Салливан загасил в пепельнице окурочек и тут же закурил новую сигарету.

– Ничего не могу понять. Полагаю, за мной установлено наблюдение?

– Понятия не имею. – Я попытался успокоить его. – Если б я знал, то, конечно, не сказал бы вам, но мне действительно ничего не известно.

Он ссутулился, как-то сжался.

– Кругом столько глаз.

Я понимал, что он имеет в виду. Речь шла не о посетителях в вечерних туалетах, заполнивших "Трапецию".

Этот бар являлся для них промежуточной остановкой на пути в один из банкетных залов или ресторанов отеля. Мистер Дел Греко и его помощник едва успевали принимать заказы.

Посетители бара в большинстве своем не принадлежали к нуворишам и держались свободно и раскованно. Дорогие наряды женщин, украшения, волосы всех цветов и оттенков. Но эти люди наряжались не для того, чтобы произвести впечатление на глазающую публику. Этот бар принадлежал им, сюда не допускались охотники за автографами и подростки, жаждущие общения со знаменитостями. Их лица оставались бесстрастными. Если взгляды и задерживались на нас с Салливаном, то не более чем на секунду.

Салливан говорил не об их глазах.

Взгляды, которые он ощущал на себе, принадлежали официантам, барменам, мужчине, сидевшему в дальнем конце стойки, который мог быть сотрудником службы безопасности отеля, но на самом деле, насколько я знал, им не был. Кроме того, и мне самому всегда казалось, что где-то – возможно, в потолке имелся глазок, через который Шамбрэн следил за тем, что происходило в его мире.

– Одна из отличительных особенностей "Бомонта" – умение обслуживающего персонала предугадывать желания наших гостей.

– словно подтверждая мои слова, официант, внезапно возникший у нашего столика, поднес спичку к еще не зажженной сигарете Салливана. Я улыбнулся. – Понимаете, о чем я говорю?

Он не ответил. Его серые глаза не отрывались от входа в бар. Затем Диггер встал и начал обходить стол. Тут уж и я повернулся, чтобы посмотреть, чем вызвана столь резкая перемена в его поведении.

Молодая женщина у двери оглядывала его широко раскрытыми, вероятно, близорукими глазами. Я слышал, как воздух с шипением вырвался сквозь сжатые зубы Салливана.

Такие женщины, конечно, приковывают взоры. Блондинка с роскошными золотыми волосами. Черный, комбинированный из шерсти и шелка костюм, слепяще-розовая блузка, ярко-синий пояс с пряжкой, украшенной драгоценными камнями.

Организация показов мод в "Бомонте" возложена на меня, и я мог бы поспорить на свой последний доллар, что этот костюм она шила у Диора.

Женщины, сидящие за столиками, могли оценивать костюм, белые перчатки, изящные туфли-лодочки, мужчины же увидели совсем другое. Я думаю, каждый из них почувствовал то же, что и я, – хотелось подойти к незнакомке и спросить, чем можно помочь. Сексуальная привлекательность в женщинах проявляется по-разному. Одни открыто предлагают себя. В других внешняя скромность как бы подчеркивает таящуюся внутри страсть.

К последним я бы отнес и эту блондинку. Всем своим, видом она как бы показывала, что не может существовать без мужчины. Но мужчины с большой буквы, особого мужчины, единственного во всем мире. Подернутые синим туманом близорукие глаза скрывали жгучий огонь. Разом охватившая меня печаль подсказала, что не быть мне этим Мужчиной. А по реакции Салливана я понял, что передо мной мадам Шарль Жирар, в девичестве Жульет Вальмон.

Она направилась в нашу сторону, но путь ее лежал дальше, в глубь зала. И у меня появилось нелепое желание протянуть руку и потрогать мадам Жирар, когда она будет проходить мимо нашего столика. Оставалось только гадать, видит ли она Салливана.

Легкий вздох прошелестел по бару, когда мадам Жирар сделала первый шаг. Он выражал всеобщее облегчение. Ее застывшая у дверей фигурка создавала магический эффект, который могли нарушить неловкое движение или грубый возглас.

Она не шла, а, казалось, плыла по воздуху. Когда она приблизилась к нам, я уловил тонкий аромат ее духов. Она не подняла глаз на Салливана. Не узнала его, подумал я, к счастью для них обоих.

Но внезапно она заговорила низким шепотом, глядя прямо перед собой:

– Ради бога, помоги мне!

И прошествовала дальше, а я подумал, что никогда не слышал такого отчаяния в голосе, такой мольбы. Я даже шагнул следом за ней. Может, она кого-то боялась? Или в ней еще жила трагедия смерти отца? Или она просто плохо видела и опасалась, что не дойдет до другого конца зала?

И тут я заметил, как из-за углового столика поднялся мужчина и поспешил ей навстречу. Интересный, с волевым лицом, лет сорока, с преждевременно поседевшими волосами.

Но смотрел он не на женщину, а на Диггера Салливана, который все еще стоял лицом к дверям.

– К кому она идет? – услышал я его шепот.

– Седой мужчина... заинтересовался вами.

– Жирар, – с ненавистью процедил Салливан, не разжимая губ.

Я заставил себя повернуться к нему. Лицо посерело, кулаки сжались.

– Вы слышали ее?

– Да, я слышал. О, господи, – и чуть ли не бегом рванулся к дверям.

Я медленно подошел к стойке, два нетронутых martini остались на столе. Эдди как-то странно посмотрел на меня.

– Он забыл заплатить.

– Похоже, что да.

– Ваш гость или внести в его счет?

– Мой гость.

Эдди хохотнул.

– Пора бы вашим глазам вкатиться обратно в глазницы.

Лакомое блюдо эта миссис Жирар.

– "Блюдо" к ней не подходит, Эдвард, – я оглядел зал.

Она сидела рядом с мужем, который ей что-то выговаривал.

Шарль Жирар также не годился в Мужчины, не без удовольствия отметил я.

По бытующей в "Бомонте" легенде, Пьер Шамбрэн никогда не покидает отеля. Его загар создается ультрафиолетовой лампой, а выйдя на улицу, он тут же заблудится, потому что с той поры как он впервые вошел в "Бомонт" в начале тридцатых годов, город существенно изменился. Разумеется, вышесказанное далеко от истины. Он бывает в городе едва ли не каждый день, а раз или два в неделю посещает театр или оперу. Его квартира на крыше отеля, и это дает ему возможность погреться на солнышке. Приходы и уходы Шамбрэна не афишируются, а секретарь и ночной дежурный службы безопасности всегда знают, где он находится и как его найти.

Поэтому при любом происшествии в отеле Шамбрэн словно возникает из-под земли и берет командование на себя. Когда я поступил на работу в "Бомонт", мне сказали, что, как только я совершу ошибку, Шамбрэн тут же появится из-за угла.

В большинстве случаев это утверждение соответствовало действительности.

В тот вечер Шамбрэн отправился в театр на спектакль "Кто боится Вирджинии Вульф?". Досмотреть пьесу до конца ему не удалось.

Я одевался к обеду, и мои мысли постоянно возвращались к Жульет Жирар. Ее недоступность не вызывала сомнений, я не имел никакого права вмешиваться в ее дела. Но, как пятнадцатилетний мальчишка, влюбившийся впервые в жизни, я бы с радостью лег под колеса грузовика, если б моя смерть могла принести ей хоть какую-то пользу. Нужно видеть Жульет Жирар, ощутить на себе ее магию, услышать несколько произнесенных ею слов, чтобы понять, как такое могло произойти с тридцатилетним мужчиной, считающим себя взрослым.

Побрившись и переодевшись, я прошелся по ресторанам отеля, надеясь еще раз увидеть Жираров. Но из "Трапедии" они ушли, и я не нашел их ни в "Гриле", ни в "Синей комнате"...

В поисках этой удивительной женщины я наткнулся на Мюррея Кардю. В смокинге и белом галстуке он обедал в тиши "Гриля" и приветствовал меня чуть заметным кивком.

В дверях "Гриля" меня остановил Джерри Додд, возглавляющий службу безопасности отеля. Джерри лет сорок, он тощ, невысок, всегда улыбается, но его глаза пронзают насквозь, и с одного взгляда он может узнать о человеке очень и очень многое. Шамбрэн полностью ему доверяет.

Обычно Джерри работает с семи вечера до трех утра, когда бары, ночной клуб "Синяя комната" и рестораны полны гостей.

На эти часы выпадает львиная доля происшествий – в отеле полным-полно посторонних.

– Вы сообразили, что к чему? Я говорю о Салливане. – Естественно, он знал, что я присутствовал при допросе Салливана в кабинете Шамбрэна. – Босс не думает, что Диггер клептоман. Порядок в таких случаях один: "Извините, но нам нужен номер, который вы занимаете". За двадцать лет мы поймали многих любителей пошарить в чужих номерах. И я впервые сталкиваюсь с тем, что преступник не наказан.

– Да, – подтвердил я, – босс сказал, что должен подумать.

Джерри рассмеялся.

– Он уже подумал. Но я ничего не могу понять, и мне это не нравится. Если, у вас есть объяснение, поделитесь со мной, а?

– Пока нет, но я не забуду вашей просьбы.

В тот момент меня несколько не интересовали причины, побудившие Шамбрэна помиловать Салливана. Я бродил по отелю, чувствуя себя обманутым, и не видел перед собой иной цели, кроме как дожидаться возвращения Жираров, если они отправились обедать в город. Тогда я мог надеяться, что увижу их у лифтов или в баре, если они решат выпить перед сном по коктейлю.

Около девяти вечера я внезапно почувствовал, что проголодался. Вновь зашел в "Гриль" и заказал мясной сандвич и овощной салат. В "Гриле" готовили самые вкусные овощные салаты. Когда я покончил с едой и Кардоза поставил на стол маленькую чашечку кофе, меня разобрал смех. По роду деятельности мне каждый день приходится сталкиваться с десятками красивых женщин. И что только я себе вообразил?

Просто удивительно, до какого абсурда может дойти человек.

Я уже решил забыть о Жульет Жирар и поехать куда-нибудь развлечься, когда к моему столику вновь подошел Кардоза.

– Вас к телефону, мистер Хаскелл. Звонит Кардю.

Телефонный аппарат Кардоза принес с собой, поставил его на стол, воткнул штекер в розетку. Я взял трубку.

– Да, мистер Кардю?

– Извините, что беспокою вас, мистер Хаскелл, – донесся до меня усталый старческий голос.

– Ну что вы, мистер Кардю, какие пустяки.

– Я пытался связаться с мистером Шамбрэном, но его, кажется, нет в отеле.

– Он поехал в театр, сэр.

– Возникли неожиданные затруднения в связи с той маленькой проблемой, которую мы обсуждали с вами сегодня.

– В размещении приглашенных, сэр?

– Не совсем, мистер Хаскелл, но речь пойдет о тех же самых лицах. Я хотел бы переговорить с вами, чтобы вы могли потом посоветоваться с мистером Шамбрэном. Когда он вернется в отель, боюсь, я буду уже спать.

– Хорошо, сэр. Я внимательно слушаю.

– Если вы не возражаете, не по телефону.

– Вы хотите, чтобы я поднялся к вам в номер, сэр?

– Если вас не затруднит.

– Разумеется, нет, сэр. Уже иду.

Я подписал чек, вышел из "Гриля" и через вестибюль направился к лифтам, но меня перехватил Карл Нэверс, старший ночной портье. Он только что получил телеграмму с просьбой о бронировании номера для Лили Дориш, немецкой кинозвезды.

Указывалось и время прибытия – примерно час ночи, не лучшее для организации торжественной встречи.

– Эта дама привыкла, чтобы ее принимали по высшему разряду, – напомнил Карл. – Если в вестибюли она не увидит как минимум двух фотографов, скандала не миновать.

– Я думаю, мы что-нибудь придумаем, – успокоил я его.

– И вы держитесь поблизости, – попросил Карл. – Лили любит, когда вокруг нее вьются симпатичные молодые люди.

Наверное, стоит позвонить в пару газет, чтобы прислали своих репортеров. Лили всегда найдет, что им сказать.

– В час ночи? – запротестовал я.

– Этот отель, – напомнил Карл, – принадлежит Джорджу Бэтглу, который сидит на Ривьере, считая деньги и другие ценности. Наша Лили числится среди "других ценностей". Так что не теряйте времени даром.

Я прошел в комнату за стойкой, где стоял телефонный аппарат, и сделал несколько звонков, чтобы Лили Дориш не могла пожаловаться на оказанный ей прием. На это у меня ушло двадцать минут. Затем я вошел в кабину лифта и поднялся на семнадцатый этаж.

Дверь в его номер оказалась открытой, поэтому я постучал и переступил порог.

– Прошу извинить, что заставил вас ждать, сэр, но...

Следующее слово застряло у меня в горле. Мюррей Кардью лежал на спине, в неудобной позе. Смокинг он сменил на черный бархатный пиджак. Серые волосы на левом виске покраснели от крови. Его ударили по голове!

Я – не доктор. И не мог определить, дышит ли он. Но мне показалось, что у него чуть подрагивают веки.

– Мистер Кардью! – воскликнул я.

Ответа не последовало, и веки замерли.

Я попытался уложить его поудобнее, не прекращая говорить с ним. На столике стояла бутылка его любимого хереса, но мне не удалось влить хотя бы несколько капель в плотно сжатые губы. И лишь тогда я схватил телефонную трубку, вызвал врача и Джерри Додда и попросил срочно связаться с Шамбрэном.

Затем принес из ванной мокрое полотенце, вытер начавшую сворачиваться кровь с виска, поправил белый галстук Кардью, пиджак. Он бы не хотел, чтобы его видели в неопрятном виде.

Я все еще не верил своим глазам, но во мне уже начала закипать злость. И злился я на мисс Лили Дориш. Если б не задержка, связанная с ее приездом, я бы не подвел Мюррея Кардью и оказался рядом в тот момент, когда ему требовалась моя помощь.

Старик, подумал я наступил на одну из "полевых мин", упомянутых Салливаном.

Глава 4

Долгая, выматывающая силы и нервы ночь прервалась приездом ослепительной Лили Дориш. Таких форм я не видел ни у кого, и едва ли увижу в будущем. А ее широченная улыбка разила наповал. Она вошла в вестибюль, окруженная коридорными, сгибающимися под тяжестью дюжины чемоданов, и в сопровождении пожилой женщины с продолговатым лицом и резко очерченным носом, очевидно, ее служанки. Засверкали вспышки газетчиков и фотографов отеля. Карл Нэверс приветствовал ее, как заезжую королеву. Я механически выразил радость по поводу ее появления и в награду получил приглашение заглянуть к ней завтра на коктейль. Два репортера, которые задушили бы меня голыми руками, узнав, что я скрываю от них происходящее сейчас на семнадцатом этаже отеля, осведомились о ее планах. Но вместо ответа услышали радостный вопль Лили Дориш.

– Макс! Дорогой Макс!

Максом оказался высокий широкоплечий мужчина с коротко подстриженными волосами, в смокинге, с моноклем, висящим на черном шелковом шнурке. Он направился к Дориш и склонился над ее рукой.

– Моя дорогая Лили, – сказано это было с немецким акцентом.

– Ты поужинаешь со мной, Макс? – теперь она видела во мне лишь служащего отеля. – Вы сможете договориться, Хаскелл, чтобы ужин подали мне в номер?

– Разумеется, – кивнул я.

– Меню я оставлю на совести вашего шеф-повара.

Что-нибудь полегче. И бутылку сухого французского шампанского.

Я снова кивнул.

Макс вставил монокль в глаз и холодно оглядел меня.

– Стоимость ужина внесите в мой счет, пожалуйста.

– Нет, нет, Макси, – заворковала Дориш. – Я хочу, чтобы ты был у меня в долгу. И я жду твоего рассказа о Берлине и Париже.

Монокль вылетел из глаза Макси.

– Ну, если ты настаиваешь... – он был похож на Конрада Вейдта, игравшего нацистов в старых военных фильмах.

Дориш увлекла его к лифту, и тут сердце мое екнуло. В вестибюль вошли Жирары. Жульет стояла, держа мужа под руку, и наблюдала за процессией, шествующей к лифтам. Я не мог сказать, кто больше удивил ее, грудастая блондинка или элегантный насупленный Макси. Внезапно она отвернулась.

Я взглянул на ухмыляющегося Карла Нэверса.

– Зрелище запоминающееся.

– Кто этот Макси? – спросил я.

– Макс Кролл. Авангард прибывающей завтра делегации Бернарделя.

– А я мог бы поклясться, что он немец.

– Вы правы. Директор автомобильного завода Бернарделя в Западной Германии. Воевал в вермахте. Большая шишка в Общем рынке.

Теперь мне стала понятной реакция Жульет; Все, связанное с Бернарделем, напоминало ей об убийстве отца.

– Позаботьтесь об ужине для дамы, – напомнил Карл, все еще улыбаясь, – а не то вам позвонит сам Джордж Бэттл из своего дворца на Ривьере.

– Если он позвонит, я расскажу ему о Макси.

Дориш и ее свита уже уехали. Шарль и Жульет Жирар не спеша шли к лифтам.

– Что наверху? – услышал я вопрос Карла.

– Все по-прежнему. Орудие убийства не найдено.

Непонятно, кто мог напасть на старика. Никто не заметил ничего подозрительного.

– Вам досталось от фараонов?

– Допрос еще не закончился.

Семнадцатый этаж.

Место смерти, раздражения, глубокого сожаления. Мюррей Кардью, осколок далекого прошлого, – кто мог покуситься на его жизнь? Мне вспомнились слова Шамбрэна о том, что старик мог бы стать величайшим шантажистом, если б захотел разбогатеть. Вдруг он все-таки решил свернуть на кривую дорожку?

Эта гипотеза могла рассматриваться наравне с другими.

Сейчас полиция занималась проработкой версий и набирала факты. Как я и сказал Карлу Нэверсу, орудия убийства в номере не нашли. Судебный медик предположил, что Кардью ударили рукоятью пистолета. Но его могли ударить и любым другим тяжелым предметом с гладкой поверхностью. Ночная дежурная по этажу не заметила ничего подозрительного. И лифтер не видел человека, смахивающего на убийцу, хотя кто знает, как может выглядеть убийца. Ничего не дали и поиски отпечатков пальцев.

Я оставался единственной ниточкой. Кардью посылал за мной, но, как выяснилось, мое имя не было первым, пришедшим ему в голову. Телефонистка коммутатора показала, что сначала он попытался связаться с Шамбрэном. Потерпев неудачу, попросил соединить его с номером посла Франции в "Валдорфе". Его превосходительство приехал в Нью-Йорк, чтобы принять участие в сессии Генеральной Ассамблеи ООН, а также открыть первое заседание Международной торговой комиссии. Но месье Делакуру в номере не оказалось, и Мюррей Кардью попросил телефонистку найти меня, что она и сделала.

Но и я не мог сказать ничего вразумительного.

Лейтенант Харди внешне напоминал скорее недоумевающего защитника футбольной команды колледжа, чем сотрудника отдела убийств. Он вновь и вновь заставлял меня рассказывать о дневной беседе с Мюрреем Кардью.

– Неувязки в размещении гостей за столами – не причина для убийства, – говорил он. – Ну-ка повторите, что он сказал вам по телефону.

Я повторял раз, другой, третий... "Возникли неожиданные затруднения в связи с той маленькой проблемой, которую мы обсуждали с вами сегодня". Речь шла не о самом размещении приглашенных, но "о тех же самых лицах".

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.